вянофильство, пытаясь определить для себя его основные особенности [4]. «Дилетантизм в науке» приводит в восторг И. Киреевского и Хомякова (II, 281). Всеобщим кажется восхищение лекциями Грановского. «Никогда Москва не видывала такой глубокой учености, такого мастерского изложения»,— пишет Н. М. Языков в письме к Е. П. Языковой от 2 декабря 1843 г.[5] Кажется возможным даже сотрудничество в одном журнале славянофилов и западников. 9 марта 1844 г. Н. М. Языков пишет А. М. Языкову: «У Погодина торгуют „Москвитянин" зане сам М⟨ихаил П⟨етрович⟩ едет будущим летом лет на 5 или на 10 за границу — Герцен, Грановский, Крюков и вся эта компания хотят издавать журнал дельный и хороший, в смысле р а з в и т и я, как само собою разумеется... Они хотят начать свою редакцию с 5 №. Увидим, что-то будет! Новые издатели приглашают к себе в сотрудники Самарина и Аксакова, которые, кажется, не откажутся, желая явиться в этом случае оборонителями православия» [6]. План этот быстро рухнул. Уже на следующий день Языков пишет, что С. П. Шевырев «сильно восстает» против передачи «Москвитянина» «в руки гегелистов», «говоря, что он никак не потерпит, чтобы безбожие и разврат проповедовались под заглавием „Москвитянина" [7].

Иметь свой журнал было заветной мечтой Герцена и его друзей. Делалась попытка приобрести у С. Е. Раича «Галатею», и когда она не удалась, возник проект издания нового журнала — «Ежемесячного обозрения» (позже название переменили на «Московское обозрение»), во главе которого должен был стоять Грановский. Дело о разрешении тянулось долго, и в декабре 1844 г. последовал решительный отказ Николая I. Славянофильская партия — и Языков — с волнением следили за ходом переговоров. А. С. Хомяков, уговаривая И. Киреевского принять редакторство «Москвитянина», «стращал его» (II, 353) тем, что у противников будет свой журнал.

22 апреля закончился курс публичных лекций Грановского. Западники и славянофилы устроили совместный торжественный обед. Н. М. Языков пишет брату 20 апреля: «Дм. Н.⟨Свербеев⟩ сядет подле Конст. Аксакова, Хомяков подле Шевырева, Павлов подле Погодина — как громовые отводы подле облаков, могущих грянуть грозою на противную сторону: Герц⟨ена⟩, Гран⟨овского⟩ и пр.— и да не будет слово за слово, спору, крику, ссоры, бури!!» [8]. И 22 апреля: «Сегодня будет обед Грановскому — распорядителей этому торжеству трое: старик Ак⟨саков⟩ по части кушания, Герцен по части пития и Самарин по части цыгарок!» [9].

Какое-то время казалось, что «все противуположные воззрения примирились» (II, 351). Но еще до получения письма Белинского с резкими возражениями против всяких попыток сближения со славянофилами Герцен записывает в дневнике: «Истинного сближения между их воззрением и моим не могло быть...» (II, 354).

Понимает это и Языков, не без удовлетворения сообщая 3 мая А. М. Языкову: «М. Алекс. Дмитриев был у меня вчера... Он продолжает писать злейшие эпиграммы на так называемых, наших гегелистов и коммунистов — теперь сочинил целых две, на Герцена [10].

Это был тот самый М. А. Дмитриев, о «беззубой злости... странных стихотворений» которого упомянул в одной из своих рецензий Белинский, а Герцен называл «кровожадным пауком» (XXII, 162). Неизвестно, знал ли Герцен об эпиграммах Дмитриева лично на него, но эпиграммы на Белинского были ему известны.

---

[4] См. записи в его дневнике от 8 января, 5 апреля, 26 октября 1843 г.
[5] Авт. ПД, 19.4.24.
[6] Авт. ПД, 19.4.25; ср. «Вестник Европы», 1897, № 12, стр. 641.
[7] «Вестник Европы», 1897, № 12, стр. 641.
[8] Авт. ПД, 19.4.25.
[9] Там же.
[10] Там же.